

Г. И. Успенский

Из разговоров с приятелями

(На тему о "власти земли")

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 5
Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина
Подготовка текста Н. И. Пруцкова
Комментарии Г. М. Фридендера
М., ГИХЛ, 1956
[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Без своей воли
- II. Мишаньки
- III. "Интеллигентный" человек
- IV. По поводу одной картинки
- V. Своим умом
- VI. Беспомощность

I. БЕЗ СВОЕЙ ВОЛИ

1

...Слава богу, зима стоит настоящая, снежная, морозная, с вьюгами и сугробами. Хорошо побыть, пройтись и проехаться на свежем, холодном воздухе, хорошо и дома посидеть во вьюгу и пургу, жарко растопив печку и взяв в руки хорошую книгу.

В один из таких вьюжных вечеров, как-то на днях, я и один мой приятель мирно коротали время, попивая чай, читая, кто книгу, кто газету, и испытывая самое современнейшее из удовольствий, удовольствие нестеснительного молчания. В особенности с этим "удовольствием" освоился мой приятель, так как жизнь накопила у него на сердце немало горя, и всякий раз, когда он говорил, слово его было невеселое, очень часто желчное, а иногда почти истерически негодующее. По натуре это был человек добрый и мягкий, но судьбе угодно было заставить его жить в таких условиях, где эти качества, особенно мягкость, не требовались, и не только не требовались, но не доставляли ничего, кроме горя и душевной отравы. Он начал жить сердцем и умом в то время, когда отмена крепостного права налагала даже на самые заскорузлые натуры обязательства знать и видеть, что все это старое крепостное *кончилось* и что теперь *ничего этого не будет*. Приятель мой принадлежал не к заскорузлым натурам и не поневоле думал, что все это кончилось, а верил в это и знал это по сущей совести. Он начал жить, думая, что *теперь* все пойдет "по-хорошему", тихо, смирно и благородно; думая, что "тихо, смирно и благородно" и есть то новое, что началось и что устранило старое, не тихое, не смиренное и не благородное. Однако "по-хорошему" не вышло, развилась ненасытная алчность и жестокость своекорыстия, и навстречу им пришла жестокость мести. Приятель мой, с своими тихими планами жизни "по-хорошему", с ассоциациями "хороших людей", с ссудными товариществами, со школами и чтением мужикам "Хоря и Калиныча", оказался совершенно ненужным в этой битве "на чистоту"; но оставаясь "между" господствовавшими течениями жизни, был измолот ими, как зерно между двумя жерновами, был, если можно так выразиться, не съеден жизнью, а изжеван, измят ею, но так измят, что в нем не оставалось буквально живого места ни в теле, ни в душе. Обилие всевозможного рода жестокостей, встреченных им в течение жизни при решении вопросов, иногда самых гуманных, жестокостей, иногда совершенно затмевавших цели, во имя которых пускались они в ход, доходивших до виртуозности в преследовании человека, так, зря, без разбору, испугало его. Он не то чтобы перестал верить в светлые и теплые дни, а отвык, боялся думать об этом, чтобы не получить какого-нибудь нового удара по незажившему, избитому месту. Не принадлежа к числу торжествовавших и не попав "в стан погибающих", он тем не менее много, ужасно много пережил